

Дело могло обстоять, по-видимому, только так, что после распада семейных общин кровнородственные связи стали ослабевать, и с течением времени, в кровнородственной общине, владевшей еще на коллективных началах определенными землями или угодьями, вследствие выселений и переселений родственные связи стали заменяться соседскими. Процесс этот мог идти и путем образования вымороченных хозяйств, тогда на место прежних владельцев появлялись чужеродцы, и путем выселения отдельных семей, на земли которых приходили (может быть даже приглашались) новые земледельцы. В результате появились соседские общины, в которых еще можно было проследить следы кровнородственных связей (в частности, например, общины-селения, где отдельные кварталы были или полностью, или частично заселены кровными родственниками). Мы позволим здесь сослаться на близкий нам материал по таджикам³.

Таким образом, сельская община лишь архаически была кровнородственной, а в дальнейшем все более и более становилась соседской. И подходя к вопросу с точки зрения сохранения в какой-то мере общинной собственности, трудно было бы провести принципиальное различие между общиной кровнородственной и общиной соседской.

Н. Кисляков

³ См., например, нашу работу «Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло» (М.—Л., 1936, стр. 22—25, 76—80, 99—102), где этот процесс хорошо прослеживается.

АТЛАС ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ В СИБИРИ И В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АМЕРИКЕ XVII—XVIII вв. М., 1964

Рецензируемый Атлас представляет собой наиболее полное систематизированное собрание исторических карт Сибири и Северо-Западной Америки. Атлас — результат многолетней изыскательской работы его составителей А. В. Ефимова, М. И. Белова, О. М. Медушевской в Центральном государственном архиве древних актов, в Центральном государственном военно-историческом архиве, в архиве Академии наук СССР и других хранилищах Москвы и Ленинграда, а также тщательного изучения картографических публикаций.

Потребность в Атласе исторических карт Сибири назрела давно. Огромный вклад русских землепроходцев, полярных мореходов XVII в., участников академических экспедиций в Сибирь XVIII в. в развитие научных географических представлений о Сибири изучен крайне недостаточно, несмотря на большой интерес к этому вопросу и наличие значительного числа публикаций.

Отсутствие систематического собрания подлинных исторических карт Сибири затрудняло оценку и углубленную разработку результатов исследований Сибири и Северо-Западной Америки в XVII—XVIII вв.

Атлас географических открытий в Сибири впервые на столь глубоком документальном материале первоисточников — карт и чертежей — демонстрирует многовековой процесс накопления сведений о Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америке, вклад русской науки в мировую географию.

Атлас открывается обстоятельным введением, состоящим из трех разделов: «Периодизация истории географических открытий и картография Сибири и Северо-Западной Америки», «К изучению вопроса» и «Археологические примечания».

Автор введения, А. В. Ефимов, рассматривая создание научных географических представлений как результат сложного процесса развития, предложил следующую периодизацию географических открытий и картографии Сибири: 1) религиозно-мифологический этап; 2) географические открытия в древности и средние века (в это время открытия неевропейских народов уже оказали влияние на изображение востока Азии на арабских и других картах); 3) географические открытия конца XV в. (доколумбовы и колумбовы карты); русские карты Сибири XVII—XVIII вв.

Характеризуя картографические работы XVII—XVIII вв., А. В. Ефимов подчеркнул бесспорный приоритет русских землепроходцев и ученых в исследовании простанств Северной Азии и Северо-Восточной Америки. Приведенные в Атласе материалы свидетельствуют, что карты Сибири XVII—XVIII вв., составленные иностранцами, воспроизводят по существу данные русских карт.

Ярко показана во введении противоречивость и сложность процесса накопления географических сведений о Сибири и Северо-Западной Америке. Многие открытия, как например, открытие Дежневым пролива между Америкой и Азией, далеко не сразу стали достоянием науки. Заслуженную оценку получили картографические работы С. Ремезова, а также труды I и II Камчатских экспедиций, названных А. В. Ефимовым по характеру работ — Великой Сибирско-Тихоокеанской экспедицией. Автор спра-

ведливо подчеркнул значение этой экспедиции, явившейся переломным моментом в изучении и картографии Северо-Восточной Азии. Экспедиция установила очертания целых континентов, нанесла на карту важнейшие реки, впадающие в Ледовитый океан, в ряде пунктов достигла Америки, составила карты Курильских островов. Большое внимание и во введении, и в самом Атласе уделено картам, составленным с участием коренного населения, в частности карте чукчи Дауркина.

В разделе «К изучению вопроса» автор остановился на вопросе об оценке русских географических открытий в XVII—XVIII вв. в зарубежной литературе, показав, что в последнее время зарубежные прогрессивные ученые высоко оценивают вклад русской науки в исследование северных областей Тихого океана. В этом разделе приведен и обзор документальных публикаций, источниковедческих и справочных работ, касающихся географических открытий на северо-востоке Сибири. Особое место уделено обобщающим работам советских ученых, показывающим географические открытия на широком общенсторическом фоне.

В разделе «Археографические примечания» указаны принципы отбора карт для издания и особенности публикаций. «Основная задача Атласа,— как указал А. В. Ефимов,— проследить по картам, как исторически разрешалась задача открытия Северо-Западной Америки со стороны России и как уточнялись сведения о северных очертаниях Азиатского континента» (стр. XI). В соответствии с этой задачей картографический материал разбит в Атласе на следующие разделы: 1) Мифологические и религиозные представления о мире (1 карта); 2) Географические представления о Северо-Восточной Азии в древности и в средние века (4 карты); 3) Доколумбовы и колумбовы карты (7 карт); 4) Проблемы соотношения Азии и Америки на картах XVI—XVII вв. (5 карт); 5) Непосредственное влияние русских данных и карт на развитие представлений о Сибири и Северо-Восточной Азии (17 карт); 6) Ремезовский этап картографии Сибири и Северо-Западной Америки (17 карт); 7) Первые русские печатные карты (2 карты); 8) Картографические результаты собирания данных о Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америке служилыми людьми и правительственными экспедициями (54 карты); 9) Карты отдельных походов и экспедиций 40-х годов XVIII в. (5 карт); 10) Изучение Чукотского полуострова (14 карт); 11) Обобщающие карты 60-х годов XVIII в. (8 карт); 12) Карты Шпицбергена и Белого моря (4 карты); 13) Научные результаты походов промышленников, правительственных экспедиций и других плаваний во второй половине XVIII в. (37 карт); 14) Из карт Северной Азии и Северо-Западной Америки XIX в. (10 карт).

Таким образом, хронологически Атлас отражает огромный период. В собрание входят космография, доколумбовские и колумбовские карты, карты Аньезе, Герберштейна, Баренца, Сапфария, Витсена, ремезовские карты сибирских волостей, карты Д. Лаптева, Х. Лаптева, П. Креницына, М. Левашева, А. Чирикова, И. Биллингса, С. Вакселя, Г. Сарычева и др. Значительная часть карт (150 из 194) относится к XVII—XVIII вв. В целом Атлас убедительно рисует процесс постепенного накопления сведений о северо-восточных очертаниях Азии и Северо-Западной Америки и показывает ценный вклад русских ученых, землепроходцев, мореплавателей в мировую географическую науку.

Все карты снабжены комментариями, а чертежи и карты первооткрывателей даны с палеографической расшифровкой их легенд. Это несомненное достоинство издания, так как надписи скорописью на чертежах и картах XVII в. часто крайне неразборчивы.

Резюме введения и оглавление даны на английском языке.

Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке — большой вклад в изучение истории географии и картографии.

Следует отметить, что Атлас представляет собой собрание своеобразных и очень ценных исторических источников. Укажем, что карты, как исторический документ, используются историками и, в особенности, этнографами недостаточно. Это объясняется, с одной стороны, малодоступностью этих источников, с другой — трудностью расшифровки легенд и надписей. Между тем, именно чертежи землепроходцев, карты исследователей, участников северных экспедиций содержат чрезвычайно ценные и разнообразное сведения о расселении населения, его занятиях. Рисунки на некоторых картах дают представление о формах одежды и жилища, транспорте и хозяйстве населения Сибири. В связи с этим небезынтересно остановиться на характеристике некоторых карт, включенных в Атлас.

Историка Якутии, несомненно, заинтересуют карты севера этой страны, составленные в первой половине XVIII в. Как известно, исторические источники XVIII в. о коренном населении севера Якутии крайне бедны. Надписи на карте № 83 течения р. Лены от г. Якутска до устья, составленной в 1735 г. участниками Второй Камчатской экспедиции Д. Баскаковым, В. Ртищевым, О. Глазовым — членами экипажа лейтенанта Лисиниуса, позволяют видеть, что под Житганском были рыбные промыслы, а зимовья якутов и якутские юрты встречались в самой дельте Лены. Интересно, что одна из протоков называлась Маяцкой, очевидно, по имени племени Маят; часть членоз которого в начале XVIII в. перекочевала в низовья Оленка и Лены.

Экспликация к карте плаваний Дмитрия Лаптева по Лене и к востоку от ее устья 1739—1740 гг. (№ 86) также дает представление о расселении северных якутов «А около Жиган к морю кочуют якуты: оные зимою живут в землянках, а летом в берестяных юртах. Питаются рыбой и оленями. Платье и обувь из кож оленьих. Промыслы лутчие песцовые. Веры никакой и рукоделия не имеют. Ныне многие переходят в христианскую веру. А в лесах при оных местах кочуют тунгусы, народ лесной, А живут зимою и летом в юртах оленьих. Питаются зверем, веры никакой. Язык свой».

Интересно отметить, что одно из зимовий якутов в низовьях р. Лены называлось Чукочье. Возможно, это и породило легенду о том, что в дельту Лены заходили чукчи. Данные Д. Лаптева свидетельствуют о том, что р. Индигирка была освоена русскими промышленниками. В устье этой реки Д. Лаптев нашел 5 зимовий русских, в местности Шанское — 8, в Ожегино — 4, в Уяндино — 5. В Зашиверске было 10 домов. «В оных зимовьях русские промышленники и новокрещенные коряки, камчадалы и якуты. А по рекам якуты. Питаются рыбою и оленями. Промышляют песцов. А в лесах около оной кочуют юкагиры». В этом сообщении интересно то, что совместно с русскими жили камчадалы и коряки. Они, по-видимому, представляли собой пленных, вывезенных служилыми людьми в Якутию. Следует отметить, что среди якутов и теперь бытует легенда о том, что на о. Агрофена в низовьях Лены жила корячка-шаманка. Коряки и камчадалы, попавшие в низовья Индигирки, впоследствии были ассимилированы русским населением.

Особый интерес представляет «Карта реки Анадырь и около ее лежащими местами также земли Чукотской и части Северной Америки», относящаяся к 1763—1764 гг. (№ 127). Автор карты анадырский командир Ф. Х. Плениснер показал расселение оленьих юкагиров, коряков, границы юкагирских и чукотских земель. Как известно, в 1740—1760-х годах анадырский гарнизон, при поддержке ясачных юкагиров, вел военные действия против чукчей и коряков. Данные о расселении коренного населения, нанесенные на эту карту, имели практический смысл и заслуживают доверия. Расположение отдельных этнических групп, показанное на карте Ф. Х. Плениснера, сложилось в результате набегов чукчей на коряков и юкагиров, военных походов русских служилых людей против чукчей. Карта все же неоспоримо свидетельствует о том, что в первой половине XVIII в. чукчи занимали весьма ограниченный район Чукотского полуострова от Чаунского залива до залива Креста, граница кочевий коряков тянулась по водоразделу между системой правых притоков Анадыря и Пенжиной, севернее р. Хатырки. М. и Б. Анюи; Анадырь, очевидно, были исконными землями северо-восточных юкагиров. Интересно, что на карте особо отмечены районы, в которых юкагиры были истреблены чукчами. Характерно, что между расселениями чукчей, юкагиров и коряков оставлены ничейные районы.

Эти примеры, нам думается, свидетельствуют, насколько данные карт обогащают наши представления о коренном населении и их расселении. В этом отношении особый интерес представляет карта-чертеж земли Иркутского города из чертежной книги Сибири С. Ремезова (№ 43), чертеж вновь камчадалской земли около 1700 г. (№ 48), карта северо-восточной части Азии, составленная Н. Дауркиным в 1771 г. (№ 130), этнографическая карта Сибири 1757 г. (№ 136) с рисунками коренного населения в национальной одежде и т. д.

Укажем на некоторые недостатки издания. Думается, что составители излишне жестко ограничили себя географическими рамками. В Атлас включены только карты, непосредственно связанные с севером Сибири и Северо-Западной Америкой. Поэтому в Атлас не вошли карты районов Южной Сибири. Географические открытия в Северной и Южной Сибири тесно связаны, и надо полагать, что картографический материал, рисующий исследование южных областей Сибири и Дальнего Востока, будет издан особо.

Нельзя не выразить сожаления, что при общем высоком качестве издания некоторые карты, ветхие или очень крупные, получились бледными и неразборчивыми. Так, например, крайне трудно пользоваться картами № 60, 61, 67, 71, 77, 107, 117, 127, 136, 141, 167.

Карта Н. Дауркина 1763 г. о Чукотском полуострове (№ 128, 129) снабжена ценной легендой. Значение этой легенды отмечено в примечаниях. Однако это легенда почему-то не расшифрована (стр. 37).

Разумеется, эти частные недостатки никак не могут умалить высокой оценки Атласа.

Атлас, несомненно, будет широко использован как специалистами-географами, этнографами, историками, так и учителями, студентами, всеми, интересующимися историей Сибири и Северной Америки как в нашей стране, так и за рубежом.

И. Гурвич